

55 лет спустя

Любить, жить, ждать

Зиновий Гердт писал с фронта по два письма в день

Они поженились в 41-м, а расстались в 45-м: их брак поглотила война. Ей было 21, ему 23. Они познакомились в Арбузовской студии. Это было время, когда никто еще не знал такого имени — Зиновий Гердт. Его тогда звали иначе: Залман. И был он такой худой, что его мама шутила: если Зяму посадить на рубль, как минимум 95 копеек будут видны.

Расставшись, по отдельности они прожили в десять раз дольше, чем вместе: более полувека. У каждого была своя жизнь. И сегодня первая жена Гердта категорически запрещает разглашать ее имя. Но почти сто уцелевших писем своего мужа она сохранила. Вначале письма приходили от курсанта саперного училища, затем — от гвардии лейтенанта саперного батальона, последние — от раненого бойца из сибирских госпиталей.

Январь, 42, Мензелинск
 Девочка моя дорогая! Я здесь пробыл еще с месяц, затем туда. (...) Я здесь во всю мощь развернул актерскую деятельность. Очень часто выступаю в концертах с куклами и гитарой. Теперь, когда я знаю, что ты в Москве, я буду писать тебе письмо за письмом. И в каждом буду вставлять стихи, хорошие или плохие — не исключаю. И написаны только для тебя. Жду писем. Наилучшее целую тебя в мизинец. Твой старик Зямка.

Из письма 9.01.42, Мензелинск
 Родная! Минус еще один день из неведомого количества дней, разделяющих нас с тобой. Будет же когда-нибудь время, этих дней останется ощутимо мало, и тогда придет тот день — День великого свидания, крепкого объятия и чистого поцелуя. Ангел мой, для этого дня стоит жить и бороться. Этот день нужно добить.

...Мечтаю искупаться в баньке. Здесь вот такие баньки (рисунок сделан в натуральную величину). Пока моешь ноги, голова уже черная от потолка. Пока моешь голову, ноги уже синие от мороза. В общем, омлет-сюрприз. Наверху горячий крем, а внизу мороженое. Ничего не поделаешь — Мензелинск. Кстати, ты почему-то пишешь Минзелински, так как нужно Мензелинск. Это в корне меняет понятие и представление об этом шедевре цивилизации.

...Девочка, в одно из писем я вложил маленькую фотографию моей персоны. Получила ли ты? Сенсация! Мои усы выглядят уже довольно солидно. Я их сберегу до конца войны, покажу тебе и сребу. Они у меня такие, как у Чаплина. А я теперь уже хочу такие, как у Мопасса-на.

Вчера вечером мне объявляли благодарность от командира батальона за «отличное мастерство в показе художественного творчества», буквально изречение. Впрочем, как бы ни выражались, важен факт. Не так ли?

Сегодня погода совсем безумела. — 63. Я такую температуру и не слышал никогда. (...) Тут многие из моих сокашников поотморозили себе уши, носы, щеки. Меня никакие морозы не берут. Не знаю — почему. Вчера я выкурил папиросу «Беломор», впечатление замечательное, но самосал освоено полностью, и на табачном фронте полный порядок. У меня есть две спички. Беру их на черный день. В одной ручке чернила кончились, стаял другую. Тут у меня неисчерпаемые источники ресурсов и богатство. Здесь можно найти что угодно, потому что у каждого что-нибудь да есть.

5.02.42
 Еще и еще раз Я. Смешно получается: мне кажется, что я тебе надоел письмами, а ты пишешь, что боишься наскучить мне. Ерунда. Я был бы счастлив, если бы получал их штук 20 в день. Мечтаю о времени, когда я смогу доказать тебе это. Придет ли оно? Мне кажется, придет. Иначе было бы слишком жестоко со стороны Судьбы. В сущности говоря, она, судьба, нас еще не баловала счастьем. Правда, ей, судьбе, время не дало развернуться. Мучительно мало мы были вместе, буквально я помню каждый прожитый день, прожитый нами вместе день. Дни наших свиданий во время войны стали для меня колоссальными событиями. Я бы сказал, историческими днями моей любви и жизни, где бы я ни был, куда бы война меня ни послала, эти дни будут великими, зовущими, ибо они постоянно говорят мне: жить, жить, жить.

Маленькая, ты сейчас хочешь кушать, я знаю. Могу тебе предложить раковую шейку, хочешь? Ма-

ленькая, если бы я был около тебя, я бы из-под земли достал тебе все, чтобы ты и не знала и не думала об этом. К несчастью, я страшно далеко и ниш. Ниш, как гений. Ни-чего-ничего, скоро мы разбогате-ем. Я тебя засыплю раковыми шей-ками, вот. Так, мне кажется, еще никто никому не говорил. Дай только кончиться войне. Уж мы то-гда свое, земное, доживем. На зем-ле свое долюбим. Отпрыскаем на этом чудовище — времени. Собе-рутса все наши настоящие друзья. Эх, где-то они сейчас? (...) Инте-ресно, кто-то из нас вернется до-мой? Я об этом очень редко думаю, но как подумаю, так думаю крепко. Время покажет. А пока пусть зву-чит лозунг «сачков»: не унывай.

...Целую тебя, дорогая жена. Твой усач Зямка.

8.02.42
 Писать так писать. Решил теперь писать письма по утрам, до завтра-ка. Утро вечера мудреней. Должен доложить, что со вчерашнего до се-годняшнего никаких сенсационных происшествий не произошло. За исключением, пожалуй, того, что я вчера вечером побирился. После чего усы заиграли с еще большей четкостью и красотой. Усы мои пройдут через хребты ве-ков.

О чем я хочу говорить беспри-страстно, это о моей великой тос-ке по тебе. Маша! Милая моя! Столько тоски, по-моему, еще не вмещало ни одно юное сердце. Я еще никогда не ощущал такой си-лы желания, как сейчас. Потому я и рвусь скорей отсюда, куда уго-дно, чтобы поскорей пройти это ге-неральное событие, испытание на жажду жизни. И если индейка (судьба) будет милостива ко мне, вернее, к нам, домчатся к тебе и ото всей души пожать твою руку, вложив в это пожатие все свое сердце. Поэтому я и рвусь отсюда. Может быть, моя маленькая жизнь ускорит в какую-то милли-онную долю разгром черной свол-очи, причинившей нам столько неприятностей.

Мария, ты мне дорога, как са-мое близкое и родное на этой пла-нете, и с каждым днем ты стано-вишься дороже и значительнее, и необходимы. Мне очень трудно жить без тебя, Мария! Я тебя так люблю еще не называя, что ж, так твоё имя звучит очень поэтично... Целую. До утра, до головокруже-ния. Твой Зямка.

12.05.42
 Моя родная женушка! Вот я и бое-вой командир. Дали мне бойцов. С утра до ночи работаю с ними. Учу саперному искусству. Лоюсь в 12, встаю в 5 утра. Понемножку при-выкаю.

...Напиши, какие дела у тебя, что нового. Не затворил ли ты чего? Безумно хочу сына!

12.06.42
 Получил сейчас твою открытку из Люберец. Экспедитор полз, полз. Я ему махал рукой, дескать, подожди. А он ползет, каналы. Экспеди-тор. Таким шикарным словом у нас называют почталюна. Это от-чаянная душа, будь он трижды здоров и крепок. А фамилия его Шалопанов (I), 19 лет. Открыточка мягкая, потеряла, а слова в ней не-жные, нужные. Очень нужные сло-ва. Контрасты поразительной си-лы. У самого моего носа — желтый цветочек (вроде куриная слепота), но он очень нужен. И все это пони-мают. И когда входят сюда новые люди, «старожилы» бесцеремонно предупреждают их: э, поосторож-ней, не видишь, что ли? И новые люди подбиают спину, плечо и долго принохиваются к этому представителю поэзии. Носы у всех очерствели — никакого, ко-нечно, обоняния. И, вероятно, по-этому всем кажется, что цветок пахнет замечательно. На самом де-ле он никак не пахнет. На него грех обижаться, куриная слепота.

Я хочу тебе рассказать, девочка, как умер Василий Борзых. Он все-гда был моряком, а война приказала ему одеть пехотную гимнастер-ку, сапоги и пилотку. И Василий пошел в пехоту. Был он шумный, веселый парень с трудно разборчи-мым голосом. Хралел он, как Женька Долгополов (один из арти-

стов Арбузовской студии. — Ю.Ч.) Я приказываю снeno, Чуб писала еженевно, Еженевно, еженесно, Веод неведене — ужасно. Если ты замедил вестью — Я убью тебя на месте. Если ты мне не напишешь, Я тебя повешу, слышишь? Заруби мои вопросы На своем носу курносом. В остальном же все в порядке. Время мчится без оладки, Молоко подшевели, это дело. Молоко пугу, ветер, туман Допазет к тебе Залман.

18.07.42
 Жена Мария! ...Еду опять пятые сутки. Куда? Ты, надеюсь, представляешь себе мое состояние в этот вечер, когда мы, шлоном, сто-яли в Москве, на окружной. Это ужасно. Я звонил тебе в ТЮЗ, ска-зали, что ты в театре Сатиры. Те-лефон неизвестный. Боже мой, я готов был крикнуть на весь белый свет какое-нибудь злейшее руга-тельство.

...Ты, деточка, не волнуйся очень. Я не пропаду. А Симонув действительно правильные стихи сочинил: жди меня, и я вернусь. Сейчас мимо меня промчался по-езд пассажирский в Москву. Как-нибудь и я так — к тебе. Дорогая, милая моя. Ожидаются отважные бой. Во имя тебя выйти из них по-бедителем — вот мой лозунг. Для этого у меня есть достаточное зна-ние, желаний и ненависти. Нужной ненависти. Любимая, вероят-но, я еще не скоро получу от тебя письмо в связи с моим перемеще-нием. Ты пиши чаще. Знай, те-перь же жизненно необходимо, чтобы каждый день Шалопанов приносил мне от тебя что-нибудь. Сегодня вечером напишу подроб-ное письмо. Целую.

Из письма 16.06.42
 Э-те-ге-гей! Милая, ты услышь ме-ня, в блиндаже сижу и заряд вяжу.

Это просто невозможно. Сколько можно, разве можно Ждать и ждать, и ждать, и ждать,

Волноваться и гадать. Я приказываю снeno, Чуб писала еженевно, Еженевно, еженесно, Веод неведене — ужасно. Если ты замедил вестью — Я убью тебя на месте. Если ты мне не напишешь, Я тебя повешу, слышишь? Заруби мои вопросы На своем носу курносом. В остальном же все в порядке. Время мчится без оладки, Молоко подшевели, это дело. Молоко пугу, ветер, туман Допазет к тебе Залман.

Из письма 20.07.42
 ...После долгого пути доехал, на-конец, до фронта. (...) Здесь жарко и много комаров. Но из-за интен-сивности обстановки ни того, ни другого не замечаю. Дело требует максимум энергии, азарта и деловитости. На нашу часть возложена

серьезнейшая, а бы сказал, историческая задача. Каждый гвардеец должен жизнью своей, мыслью и сердцем оправдать это благо-родное звание. Ожидаются отваж-ные бой, как говорил Мэкси. И в этих боях супруг твой будет в пер-вых рядах. Любовь к тебе и гор-дость тобой не позволят ему от-стать.

...Сегодня, а может, и завтра, я предстану лицом к решению зада-чи, от которой будет зависеть жить или не жить. Эта почти гамлетов-ская дилемма решится в мою поль-зу только потому, что я во всем суще-ством своим понял происхождение и всем интеллектом своим привид-ел будущее. Я понял, что наше с тобой будущее зависит от того, как осмысленно, умело и отважно я поступлю завтра. Может быть, по-сле завтра, каждый час моего пре-бывания на фронте...

Из письма 18.08.42
 ...Урвал, наконец, минутку, чтобы сообщить тебе, что муж твой жив, здоров и успешно воюет с мадыря-ми, вентрами, немцами и прочей сволочью. О том, что моя работа полезна, подробней узнаешь из по-следующих писем, которые будут обязательные.

У нас идут ожесточенные бои. Сейчас я только понял эту обыден-ную фразу из Совинформбюро. Сообщи адрес Балтфлота (Туда в это время уехала взводная теат-ральная бригада. — Ю.Ч.) Целую, Зямка.

21.08.42
 Жена! Мария! Пишу и не знаю, за-станет ли эта открытка тебя в Мо-ске. Хорошо бы так. Машенька, я рад, что ты так уверена в моей не-уязвимости. Правильно, дорогая, так и надо. Очень приятно здесь читать твои веселые жизнерадост-ные письма. Они как жажду уто-ляют. Побольше пиши. Имей все-гда при себе папку открыток и где бы ты ни была — пиши. Сидишь ты в трамвае, пиши: «сижу в трам-вае номер 41 — еду к тебе». Вот та-кие мелочи очень нужны. Я пишу в поле, жара и мины, но все мимо меня.

Я расскажу тебе, жена, очень много интересных вещей. О том, что такое нервы человека, что та-кое воля, что такое жажда скорей и лучше выполнять приказ. Когда выключь в «дело», шум и грохот, окружающий тебя, только подго-тот твою энергию. Хорошо, что я умный и иногда анализирую свою буйную душеньку. Хочу скорей кончить с этой сволочью, хочу видеть тебя, поэтому не боюсь уста-лости, недосыпаний и прочих мелочей войны. Жди. Целую, Зал-ман.

27.09.42
 Слушай, Мария! Муж твой сего-дня разматался. Он сидит сей-час в своем блиндаже на высо-ком крутом берегу Дона, а ночь такая теплая, луна такая сияю-щая, что сидит он без гимнастер-ки, пишет без фонаря. Такие но-чи не военные. Тише, Мария, и всем скажи, чтобы потише, и во-обще, чтобы крутом было тихо. Слушай, что творится у меня на душе. Думаю, когда мы разбогате-ем, может быть, это будет не скоро, но будет же это в конце концов. Тогда из всех концов из-раненной страны будут тянуться руки, жаждающие объятий. И кровь, запекающая кровь, зали-вающая землю, засыхающая, побу-рившая кровь растворится горячи-ми слезами радости встреч и кипя-точными слезами горечи беззв-ратных утрат.

Если бы ты знала сержанта Са-молока, видела бы его богатыр-ский стан и сенинскую шевелю-ру. Если бы ты знала, что это за парень, как часто он вынимал из записной книжки маленькую кар-точку с курносой девушкой. Если бы ты слышала, как он пел: «о-х, ты, Гая, Гая, молодая». Ах, Ма-ленькая, слышком мало настоя-щих простых и крупных людей мы видели. Смерть в такую ночь. Я очень хочу жить. Жить для того, чтобы видеть тебя моей, жить для того, чтобы понять, что я пережил это время войны, понять, что я видел. Ведь для того, чтобы уви-деть картину художника, нужно отойти от нее на некоторое рас-стояние, иначе некторые мелочи, мазки, отвлекающие от общего впечатления. Так и на войне. Только тогда я увижу всю эту грандиозность, когда буду иметь возможность вспомнить о ней в мирных условиях. А сейчас видны лишь эпизоды, детали, закрываю-щие общую картину. Слишком близко я наблюдаю, изнутри. Жить я хочу, наконец, потому что только теперь я познал цену жиз-ни, познал цену мирной жизни. Но если не судьба, это только в такую ночь смотришь в далеком небе.

Очень тихо было, когда не ста-ло Самолока. Еще тишины такой я хочу — если не судьба. Ты ска-жешь — глупец. И противная сква-ра, верно, жить и жить. Но судьба, каналья, правит этими делами. Покамест мы с ней в ладах, посто-янно не испортит взаимоотноше-ния. Я не снимаю своей общи-ной шинели (пятый рост), пол-ный, в грязных сапогах, в общем, как есть, не умышлюсь, посмотрю в ту сторону, где ты. И так, не от-рывая глаз, пойду тяжелыми ша-гами по прямой, чтобы чорче

пути, чтобы скорее ты!.. Вот о чем мечтаю я в эту тихую, лунную ночь на крутом донском берегу в блиндажке, без гимнастерки, до того теплой ночью. Эх, Самодюк! Твой Зямка.

7.10.42
 Родимая, любимая, никак непо-вторимая! Представь себе такую картину. Я сижу в доме (!). На столе стоит лампа (!). У меня чи-стые руки (!!!). Не хватает само-вара, того, другого... много чего не хватает... Сейчас полночь, ти-шина. Ну, прямо будто и войны никакой нет. А зашел я к пекарям в деревню, всего каких-нибудь 2 километра от фронта. Накипяти-ли мне чугун воды, вышел я во двор и... чувствовал себя гораздо блаженнее, чем в Сандуновских банях. Только очень холодно оде-ваться.

Из письма 1.12.42
 ...Бить фашистов это уже не такая веселая работа и остроумия на-браться в ней сложно. Я говорил, что, может быть, это очень хоро-шо, что ты не представляешь мои дни и ночи. Тебе их сейчас не на-до знать. Потом, когда это все кончится, если я увижу это «кон-курс», тогда я тебе расскажу всю свою войну. День за днем. И тогда это будут увлекательные рас-сказы из прошлого. А сегодня... Сегодня война! Жестокая, труд-ная, беспощадная. Понимаешь, жена? Кроме тебя у меня никого и ничего нет. С тобой хожу по но-чам на минные поля немцев. С тобой сижу короткие часы у же-лезной печурки своего блинда-жика. Все везде, все всегда, куда угодно — с тобой. А ты совсем еще маленькая и не можешь еще понять, и не можешь понять, как дорога, нужна, невыносимо нуж-на ты...

18.01.43
 Э-гей, дорогая! Ну-с, вот и мину-та. Вершишь ли, вот уже около 10 дней, как буквально ее, этой минуты, не было. Началась изыщная жизнь. Мы за несколько дней продвину-лись на Запад на 40 километров. Мадьяр бежит некрасиво. Бог ты мой, до чего ж сопливые!! Но долж-но сообщить: (!) вступил в канди-даты в члены ВКП(б, 2) на левой стороне груди красное пожитое медаль за отвагу. Во какие дела. 3) погоди, повуюю еще, и орден бу-дет. 4) Жив-здоров.

Бумага и конверт мадырьские. Чувств? Даем им прикурить, ды-шим им в пузо! 5)6)7)8)9) и т.д. Целую, твой Зямка.

29.01.43
 Моя дорогая! Не дивись, что редко пишу — время кипит! Двигаем на Запад, пленные тучами. Профе-ев до черта. Освободили уйм ну-пунктов. Население встречает здо-рово. У меня аккордон почисте экманского. Жру шоколад, аж зу-бы ноют. Нога заживает туго... Ни-чего, я пешком не хожу. Пиши. Се-годня получил 10 писем. Целую, Зямка.

18.03.43
 Деточка, сколько ни таи, а ска-зать надо. Уверенность, что со мной ничего не может случить-ся, ан случилось. Случилось это

12.2 под Харьковом. Саданул ме-ня ворог из танка снарядом, и оско-лок врезался в кость левого бедра, повывше колена. И наво-рил там дел скверных. Сейчас собираюсь в тыл. Мучаюсь нече-ловечески, что будет с ногой, сейчас сказать трудно. Мне, во всяком случае, сейчас даю 36 лет. Но это пустышка. Попасть бы скорей в нормальные условия. Лечиться мне еще месяца 4-5... Но, родная моя, не отчаивайся — все обойдется. Желай мне здоро-вья и воли. Устал я зверски. Сей-час пока адреса у меня нет, в до-роге. Жди вестей.

3.04.43, Уфа
 Жена моя, радость! Очень хочу видеть тебя и очень боюсь показыв-аться тебе на глаза. О! Ничего по-хожего на того толстого румяного благодушного декабрьского гвар-дии лейтенанта в красивой кожа-ной куртке нет. Теперь я моши, закорованные в гипс. Гипс — суровая вещь. Никаких движений, ни ногой, ни туловищем, только го-лова и рука на свободе. Но как ни мучительна эта новая неволя, я, как ни странно, оказался терпели-вым и даже выдержанней многих моих друзей по несчастью. Зна-ешь, я не умею стонать, а все кру-гом стонут, и им от этого вроде легче. Не знаю, во всяком случае, слышат «охи» и «ахи» довольно противно. (...) Впрочем, что это я разговариваю о своих хворобах. У Чехова есть такая запись: человек любит говорить о своих болезнях, а это самое неинтересное в его жизни. Прав товарищ. Ну, боль-ше не буду. Май прошел довольно тепло и вместе с тем довольно тоскли-во. Вспоминались прежние ма-и. Сейчас Софроничий играет на фортепьяно в Большом зале Консерватории. Может быть, и ты там...

Из письма 3.08.43, Новосibirск
 ...Сегодня перечитывая сохра-нившиеся письма. Старые фронтные. Очень жалею, что много писем пропало во время ранений. Письма эти увлека-тельные и самый трогатель-нейший экскурс во вчера (бо-юсь сказать в прошлое, ибо оно также пестро богатством состо-яний, будто это все еще проис-ходит со мной сегодня (по край-ней мере, вчера).

В том же 43-м году Зиновий Гердт демобилизовался по ране-нию и вернулся в Москву. В 45-м у них родился сын. Зиновий Ефимович назвал его в честь своего друга из Арбузовской студии, по-гибшего на фронте, — сына поэта Эдуарда Багрицкого Воеволова. В том же году они расстались...

Большая нога помешала Гердту, всегда мечтавшему о театре, выйти на сцену. Тогда он вышел за ширму — в 45-м году поступил в труппу образцового театра кукол. И на-чался «необыкновенный концерт»: работа в театре, кино (первая роль — в фильме «Человек с планеты Земля» (1958), на телевидении. Родился тот Зиновий Гердт, кото-рого мы знаем, любим и никогда не забудем.

Подготовила Юна ЧУПРИНИНА

ВОЙНА И ЖИЗНЬ ЛЕЙТЕНАНТА МАЛЬКОВА

Папа говорил: «Есть у меня мечта. Очень хочу пожить в 2000 году». Не знаю, чего он ждал от того времени, в котором сейчас живем мы? Скорее всего, хотел взять еще одну высоту, возможно, последнюю. Десять лет назад его не стало. Он ушел вслед за своими товарищами, прихватив с собой идеалы, надежды и память... На смену той войне пришла другая. Пришли другие ветераны, другие идеалы, надежды и память... Да и мы — безнадежно другие.

Андрей МАЛЬКОВ

Общая Газета

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
 Газета зарегистрирована в Мининформпечати
 РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
 © Общая газета. Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
 Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
 Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
 Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
 Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
 Связь с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛОХИНА Тел.: 915-70-40

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
 Технический директор Валерий МАКАРОВ

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
 Общий тираж «ОГ» — 202 660 экз. (региональный — 144 000 экз.)
 Цена свободная
 Розничное распространение в Московском Метрополитене — агентство «МЕТРОПРЕСС» в С.-Петербургском Метрополитене — ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24
 Номер подшит в печать 3.05.2000 г. Заказ 1151.

Наш подписной индекс: 32138